

Пока тот мирно спал, Вэнь Цзянь в своём мире не находил себе места. Сон к нему не шёл.

Поразглядывая зелёный росток и так и не обнаружив в нём ничего примечательного, он погрузился в раздумья. Он даже попытался заговорить с травой, но, пробормотав в пустоту добрую четверть часа и не дождавшись ответа, оставил эту нелепую затею.

Он снова лёг на кровать. Мысли его разбредались. Изначально его должны были сослать в уезд Янсянь — суровый, промерзлый край на самой границе. Однако те глухие места граничили с землями, где стояла Армия Пустыни, которой он когда-то командовал.

Любому мало-мальски проницательному человеку было ясно: это скрытое заступничество императора. Стоило Вэнь Цзяню добраться до Янсяня, как под защитой преданных ему воинов он оказался бы в полной безопасности. Ни одна душа не посмела бы покуситься на его жизнь.

И именно поэтому враги жаждали его смерти ещё в пути — чтобы списать всё на бесчинства разбойников.

Они и представить не могли, что из столь тщательно подготовленной западни он выберется живым, да ещё и ухитрится тайно передать весть государю.

Вэнь Цзянь, Канцлер Янь и сам император дружили с раннего детства. Он, бывший младше остальных на пять месяцев и всегда отличавшийся самым простодушным нравом, рос под их крылом. Они оберегали его и любили, точно младшего брата.

Если бы за нынешним обвинением в растрате не стоял лично Канцлер Янь, Вэнь Цзянь никогда бы не попался на подобной нелепице.

Канцлер Янь!

Само это имя весило для Великой Юн непомерно много. Именно этот человек удержал на своих плечах падающие своды угасающей империи. Это он лавировал в ядовитых придворных интригах, спасая учеников Государственной академии от безумного гнева покойного тирана-императора. Это он вёл тонкую игру с четырьмя соседними державами, выгадывая для родины драгоценную передышку. Это он, не щадя собственной жизни, крушил врагов на полях сражений так, что чужеземные цари бледнели при одном его упоминании. Он изнурял себя мыслями и трудами, железной рукой вытаскивая гибнущую страну из пропасти, и без тени сомнения принял на себя вечный позор, лишь бы возвести на престол Третьего принца.

Вот оно, истинное воплощение безграничного могущества и власти.

С восхождения нового государя на трон прошло едва ли два года. И когда Канцлер Янь обрушил свой удар на Вэнь Цзяня, даже император оказался бессилён его защитить.

Государю пришлось уступить, лишить друга чинов и отправить в ссылку, однако скрытая забота никуда не делась.

Но кто же знал, что вопреки столь явному заступничеству на жизнь сосланного едва не покусятся? Это было неприкрытой пощёчиной самому императору. Негодяи задели его гордость, но вместе с тем вручили идеальный повод для ответного удара.

Узнав о случившемся, Канцлер Янь лишь презрительно усмехнулся. Судьба глупцов, решивших выслужиться перед ним и устроивших резню на дороге без его ведома, его нимало не заботила.

Гнев Сына Неба — вещь страшная. Когда Канцлер отступился, волна арестов, казней и конфискаций накрыла столицу. Множество чиновников лишились и должностей, и голов. В одночасье столичные ведомства замерли в смертельном ужасе, содрогаясь от каждого шороха.

Кончилось всё тем, что Вэнь Цзяня оставили отбывать ссылку там, где его застала весть, — в глухой деревне. И ни одна придворная крыса не посмела пикнуть против. Более того, теперь сановники спали и видели, как бы с бывшим генералом чего не случилось: его безопасность стала залогом их собственного выживания.

Случись с ним что-то ещё, пламя императорского гнева выжгло бы их роды до седьмого колена.

Вэнь Цзянь, внимательно следивший за новостями через свои каналы, наконец вздохнул с облегчением. Он решил пока обосноваться в Медной деревне и через старосту подыскал себе заброшенную лачугу у подножия холма.

Он скосил глаза на стоящие у постели мешки с мукой и рисом. Завтра же поутру надо будет отнести половину в дом Ли Эрчжу — того самого крестьянина, что вытащил его с того света.

Здесь, в уезде Юнь, вообще прозябали в нищете. По правде сказать, весь край бедствовал, но лачуга его спасителя превосходила любые представления о скудости — в её стенах свободно гуляли сквозняки.

Их кадушка для зерна давно опустела. Лишь когда Вэнь Цзянь притащил из леса пару зайцев и обменял их на мешок грубых отрубей, в доме появилось хоть какое-то пропитание.

Но и эти запасы таяли на глазах. Большая их часть уходила на то, чтобы поставить раненого генерала на ноги.

Всякий раз во время скудной трапезы Вэнь Цзянь ловил на себе голодные взгляды ребятишек — Ли Даня и маленькой Ли Саньхуа. Они тихонько сглатывали слюну, глядя, как он ест, хотя в его миске плескалась лишь пустая, почти лишённая рисинок жижица. От этих воспоминаний щемило сердце.

Всей Великой Юн предстоял ещё слишком долгий путь, прежде чем простой народ заживёт в сытости и покое. И самое страшное — человека, способного провести империю по этой дороге, больше не было.

Государство гнило изнутри. Не прояви Канцлер Янь железную волю и беспощадную решимость, не возьми он на себя проклятия будущих поколений, вырезая скверну калёным железом, — не было бы у Великой Юн даже этой узкой, зыбкой тропы к спасению. Если бы не миллионы костей, которыми он вымостил этот путь, родные земли давно разорвали бы на части и вытоптали копыта чужеземной конницы.

И пусть вельможи да министры в столичных залах исходили желчью, проклиная кровожадного временщика, случись беда — любой из них без колебаний отдал бы жизнь ради спасения Канцлера. Потому что без него они ничто.

Для простых людей Канцлер Янь оставался столпом небесным. В умах народа крепла незыблемая вера: пока жив Канцлер, небо над Великой Юн не упадёт. А если и рухнет, он удержит его на своих плечах.

Это убеждение пустило слишком глубокие корни. И выкорчевать его не могло даже то, что в последние годы Канцлер намеренно отошёл в тень, стараясь ослабить собственное влияние на государственные дела.

Но никто из них не знал главного. Небо над Великой Юн уже рухнуло. Человека, который зажигал над этой землёй луну, задерживал закаты и держал на себе весь мир, больше не существовало.

Его место заняло неведомое существо, чуждое всему людскому.

Именно в этом крылась истинная причина опалы и покушения. Вэнь Цзянь совершил роковую ошибку — он понял, что нынешний Канцлер Янь вовсе не тот, за кого себя выдаёт.

Пожалуй, именно поэтому он без лишних вопросов принял появление диковинных вещей из ниоткуда. В его жизни уже случилось нечто куда более невероятное.

Вэнь Цзянь отогнал тяжёлые думы, усмирил душевную боль и, закрыв глаза, заставил себя уснуть.

Наутро он поднялся с первыми петухами. Умывшись, Вэнь Цзянь примерил вчерашний подарок — стёганный хлопковый халат. Тот оказался удивительно тёплым и ничуть не стеснял движений. Разомкнув затекшие суставы парой простых упражнений, бывший генерал направился к очагу.

Быстро разогрев и съев остатки вчерашнего ужина, он подхватил мешки со съестным и зашагал к дому Ли Эрчжу.

У дверей он постучал, но изнутри никто не отозвался. Вэнь Цзянь хлопнул себя по лбу: ну конечно, крестьяне сейчас в поле. Для здешнего люда земля — единственная кормилица, ухаживают они за ней до седьмого пота, проводя на пашне почти всё светлое время суток.

К тому же близилась жатва, и измученные крестьяне буквально жили в поле, высматривая каждый колос — от этого зависело, переживут ли они грядущую зиму.

Вэнь Цзянь с досадой посмотрел на мешки. Тащить их на пашню было нельзя — чужие глаза увидят, разговоров и зависти потом не оберёшься.

Он уже подумывал перемахнуть через невысокий плетень, как вдруг заприметил Ли Саньхуа. Девочка возвращалась из леса: ходила собирать хворост и набрала по пути охапку диких трав.

В свои двенадцать лет эта худенькая, почерневшая от загара девчушка казалась от силы семилетней. Огромный короб за спиной, высившийся над её головой, заставлял её сгибаться чуть ли не пополам.

Вэнь Цзянь торопливо шагнул навстречу и снял с её плеч тяжёлую ношу. Вглядевшись в худое личико, озарённое бесхитростной улыбкой, он нахмурился:

— Разве я не говорил тебе больше не таскать дрова? Я сам обо всём позабочусь.

— Брат сказывал, негоже так, — девчушка утёрла пот со лба рукавом и отперла калитку. — Брат Вэнь Цзянь, ты к нам по делу какому?

Занеся короб во двор, он пристроил его у стены и протянул ей свертки со съестным.

Саньхуа заглянула внутрь и так и застыла с раскрытым ртом. Уловив тонкий, щекочущий ноздри аромат настоящей муки, она испуганно прошептала:

— Это... это белый рис? И мука?

Ей ещё никогда в жизни не доводилось видеть столь чистых, белоснежных зёрен.

— Забирай, сварите кашу, — коротко бросил Вэнь Цзянь. Подхватив пустой короб, он направился к калитке — решил сходить в лес и притащить охапку хвороста посуше.

— Ой, нельзя, нельзя! Брат Вэнь Цзянь, забери! Ежели брат прознает, ох и влетит мне!

— Пусть приходит и ругается со мной, — бросил Вэнь Цзянь, даже не обернувшись.

Малышка осталась стоять посреди двора. Она тоскливо хмурилась, то и дело сглатывая набежавшую слюну от дивного запаха свежей муки.

Осенью в глухих дебрях горы Ушань крупные хищники активно нагуливали жир перед зимней спячкой. Крестьяне не решались заходить дальше опушки; углубляться в чащу никто в здравом уме не смел.

Разумеется, за исключением бывалых охотников, но и те предпочитали держаться средних склонов, опасаясь соваться в самое сердце леса.

Благодаря этому в нетронутой лесной глуши всегда было полно грибов, ягод и съедобных трав. Чтобы не пачкать одежду, Вэнь Цзянь скинул рубаху и принялся за работу. Быстро набрав полную охапку сухостоя, он решил немного пройтись по окрестностям.

Он набрал сочной зелени, нарвал лесных плодов, бережно завернув их в широкие листья павловнии, а напоследок наткнулся на кроличью нору. Воин ловко выудил оттуда двух упитанных зверьков.

Связав добычу, он уложил её на самое дно короба, присыпал тонкими сухими ветками, а сверху прикрыл ворохом черемши и дикого лука.

Семья Ли Эрчжу считалась одной из самых обездоленных в округе. Селяне, видя, как сироты бьются из последних сил, частенько помогали им чем могли.

Делиться крохами с нищими — дело благородное, но человеческая натура завистлива. Если вчерашний побродяжка, живший на чужие подаяния, вдруг начинает через день уплетать жирное мясо, которое самим благодетелям только снится, у любого в душе шевельнётся обида. И неважно, что это изобилие случайно и временно.

Проведя полжизни в военных походах и частенько останавливаясь на постой в крестьянских домах, Вэнь Цзянь прекрасно знал эти законы общины. Он рассудил здраво и спрятал всё, что могло разжечь в людях зависть.

Силы его пока были ограничены. И пока он не мог подарить семье спасителя сытую жизнь без забот, лучше было перестраховаться, дабы не навлечь на сирот беду.

Он пришёл платить добром, а не губить их жизни.

Увязав дрова верёвкой из сухой осоки, Вэнь Цзянь закинул короб за плечи, взвалил тяжелую вязанку на плечо и споро зашагал вниз по тропе.

Огромная куча брёвен, способная раздавить любого неподготовленного человека, покоилась на его плече без малейшего усилия.

Он от природы обладал недюжинной силой, а годы упорных тренировок превратили его тело в литую сталь. Впрочем, в его почтенной семье книжников страсть к воинскому искусству всегда презирали. В день, когда он бросил кисть ради меча и ушёл в армию, разразился страшный скандал — отец грозился вычеркнуть мятежного сына из родовых книг.

Наверное, именно поэтому, когда на него посыпались фальшивые обвинения, родня пальцем не пошевелила, чтобы помочь, а кое-кто из завистников в клане даже приложил руку к его падению.

Стоило ему войти в деревню, как работающие у дороги крестьяне так и обомлели. Сначала им показалось, будто по воздуху плывёт огромная гора хвороста, и один из мужиков от испуга плюхнулся задом прямо в борозду. Но приглядевшись, люди различили под деревянной горой человеческий силуэт.

Поняв, что это приبلудный постоялец Вэнь Цзянь тащит дрова, селяне облегчённо выдохнули, но рты так и не закрыли.

Кто бы мог подумать, что этот бледный, израненный чужак таит в себе силу разъярённого быка?

Кумушки, сидевшие на завалинках, так и впились глазами в его широкую спину. Такой парень в любом хозяйстве — сокровище, за троих работать будет!

Ходит бобылём, ни бабы при нём, ни детей. Женат ли был, аль холост доселе? Вот закончится страда, надо будет у Ли Эрчжу порасспросить.

Не догадываясь о бабьих пересудах, Вэнь Цзянь донёс ношу до двора своего спасителя. Под ошарашенным взглядом Ли Саньхуа он сбросил брёвна, вытащил из глубины короба двух трепыхающихся зайцев и протянул девушке:

— Сними шкуру да выпотроши. Вечером поужинаю с вами.

Девчушка машинально перехватила добычу за лапы, всё ещё хлопая глазами. Лишь через минуту до неё дошло, какое богатство держит в руках. Она сглотнула набежавшую слюну и открыла было рот, чтобы возразить, но Вэнь Цзянь пресек любые споры жестом:

— И даже не думай просить меня забрать их назад. Готовь поживее, пока брат твой из поля не

вернулся, иначе опять придётся тратить время на пустые уговоры.

Вэнь Цзянь зачерпнул щербатой плоской воды из кадушки и жадно выпил.

— Хорошо, — Саньхуа, уже привыкшая к властным замашкам бывшего генерала, расплылась в счастливой улыбке и убежала за сарай — свежевать тушки.

Она знала: брат всё равно не сможет переспорить гостя. За последние дни они уже не раз убеждались в этом.

Вообще в Медной деревне обедать было не принято. Перебивались двумя скудными трапезами на рассвете и закате, а зимой, когда работы не было, и вовсе ели раз в день. Но с появлением Вэнь Цзяня в лачуге Ли Эрчжу стали готовить ещё и в полдень — он щедро делился добычей.

К счастью, домишко сирот стоял на самом отшибе, у самого леса, так что дразнящий запах мясного варева не долетал до соседей. Это спасало их от лишних расспросов.

В то самое время, когда семья усаживалась за обед, в ином мире Янь Пин, поднявшийся на рассвете, листал книгу в своём кабинете. Время от времени он направлял мысленный взор сквозь невидимую преграду, наблюдая за происходящим.

Посмотрев на обедающего генерала, он перевёл взгляд на троих ребятишек — истощённых, темнокожих от постоянной работы под солнцем.

На них было больно смотреть: даже ладошки маленькой Саньхуа покрывали грубые крестьянские мозоли. Видно было, что сиротам приходится несладко, но, вопреки всем невзгодам, души у них оставались чистыми и незлобивыми.

Янь Пин долго разглядывал эту картину, а затем вновь уставился на Вэнь Цзяня. Он остановил взгляд на уродливом шраме, перечеркнувшем щеку мужчины.

Вэнь Цзянь провёл в седле и битвах долгие годы, его тело наверняка было покрыто множеством следов от вражеских клинков и стрел. Но ни одна старая рана не казалась столь отвратительной и чужеродной, как эта, на лице.

Честные шрамы, полученные в бою — это доблесть и гордость воина. Этот же след оставил подлый удар в спину от того, кому он доверял больше жизни. Клеймо предательства, напоминание о пытках в сырых казематах и позоре.

Когда призрачное марево рассеялось, Янь Пин прикрыл глаза. Он просидел в тишине минут

пять, размышляя, а затем решил пойти на кухню приготовить себе нехитрый обед. Но стоило ему подняться из кресла, как в прихожей раздался резкий треск дверного звонка.

<http://bllate.org/book/18369/1820278>